

Деревня обезлюдела, не хватало рабочих рук, заимки были покинуты, поля лежали не обработанными. Крестьянки расспрашивали о войне: с чего она началась? скоро-ль будут мириться?

Ненавидели, проклинали войну. И меньше всего думали о том, кто кого побьет.

На ангарских порогах, в Братском Остроге, мы застали довольно многочисленную колонию ссыльных. Были среди них и бывшие каторжане — александровцы.

Устроили общее собрание, просили меня прочесть доклад.

Настроение колонии было бодрое: все ждали близких перемен. Никто не мог отчетливо определить, чего он ждет, на что надеется. Но чего то все ждали, к чему то все готовились.

И в этом настроении кучки безымянных, незаметных ссыльных, в далеком, потерявшемся среди бесконечной тайги селе, чувствовалась несокрушимая сила духа революции.

Помню, об этом думал я, стоя перед покосившейся, почерневшей от времени бревенчатой башней, давшей имя Братскому Острогу: в этой башне томился некогда непреклонный протопоп Аввакум...

* * *

На фронте осенью 1916 г. было затишье. Страшное затишье ожидания наступило и в иркутской общественной жизни.

Попытки партийной работы замерли.

Полтора десятка товарищей, пытавшихся поставить большевистскую организацию и издавать подпольную газету, были выданы провокатором и арестованы. Большая часть наших рабочих и приказчиков была призвана на военную службу и отправлена на фронт. В числе других ушли на фронт приказчик Комаров, с которым мне предстояло

полтора года спустя встретиться при весьма трагических обстоятельствах в Пскове, и наборщик Сечкин.

В Петрограде разыгрывалась протопоповщина, приближался к кровавой развязке распутинский фарс. Иркутск жил слухами. Из рук в руки ходили нелегальные листки: речь Милюкова, письмо Гучкова, протокол встречи представителей Государственной Думы с Протопоповым, еще какие то речи, письма, протоколы.

Все чаще назывались имена Милюкова, Гучкова и Керенского, как возжей образовавшейся в Петрограде патриотической оппозиции.

Но была целая пропасть между настроениями оппозиционных кругов Петрограда и теми настроениями, которые господствовали в радикальных кругах Иркутска, в частности, среди ссыльных.

Там, в Петрограде, все велось под лозунгом войны; против правительства и придворной камарилы выдвигалось обвинение в неумении и нежелании довести войну до победного конца. А мы главное преступление правительства видели в том, что оно втянуло Россию в войну, для нас основным требованием было заключение мира.

Патриотический пафос прогрессивного блока, включившего в свои ряды душителю свободы, черносотенцев-погромщиков, не заражал нас. К «единому фронту», который выдавался газетами за высшее достижение освободительного движения в России, мы не принадлежали...

В январе я неожиданно встретил на Большой улице Сечкина. Он был в полной солдатской форме, в напике. Увидя меня, он обрадовался, бросился целоваться.

— Я думал, что вы на фронте, сказал я ему.

— Как же, как же, все время в окопе просидел. Только вчера приехал, а через неделю обратно.

— И что же там, в армии?

— Скоро мир, а может быть, и революция.

Он говорил громко, не стесняясь прохожих. Я остановил его: